

Новые известия. - 2000. - 18 мая. - с. 7.

Конец света от Юрия Мамлеева

— Юрий Витальевич, поскольку в силу многих причин вы остаетесь некой terra incognita для читателей, позвольте приоткрыть завесу над вашей судьбой. Давайте начнем с рубежа пятидесятых—шестидесятых, когда в «самиздате» стали активно ходить ваши сочинения.

— Это было время, в которое сложился довольно большой неконформистский мир неофициального искусства. Я интересовался тогда, как и многие, высшей метафизикой, философией, вопросами религии. Иногда приходится читать о моих увлечениях оккультизмом — полная чушь. Людям тогда хотелось выйти за пределы смешного, тупого и ограниченного атеизма и всего мировоззрения, которое было навязано нашей стране, но было ей совершенно несвойственно. Поэтому именно тогда наблюдались первые признаки возрождения православия. Читали христианскую литературу, Максима Исповедника, западные исследования философии. Так что это был интерес прежде всего к духу, а не к дешевой мистике. В моей квартире в Южинском переулке (ныне Б.Палашевском) собирались самые разные люди — Лев Кропивницкий, Александр Харитонов, Анатолий Зверев, Генрих Сапгир, Леонид Губанов, нередко приходил Владимир Буковский. Вообще-то об этом написано немало.

— В вашем «Московском гамбите»?

— Ну это все-таки роман. Есть хорошая книга Людмилы Поляковой, дающая точное представление о событиях и быте той поры. Называется она «Я — предчувствие Предтечи» по строке из стихотворения Губанова.

— Что же служило связующей нитью в столь причудливом мире увлечений?

— Как ни странно, мои рассказы. Сначала я читал их друзьям, потом в «самиздатских» книжках они ходили по рукам и вызывали большой интерес. Тогда ведь прозаиков такого плана было немного, гораздо больше поэтов и художников.

— А чем вы, если так можно выразиться, занимались в «мирской» жизни?

— Преподавал математику в вечерней школе.

— Какой вам сегодня видится атмосфера, царившая в вашем кругу?

— Искренняя, очень открытая в плане человеческих взаимоотношений, что было характерно для шестидесятых годов, и вместе с тем напряженная, напоминавшая мистику. Но напряженность носила отнюдь не конкретный общественно-политический оттенок. Она была как бы общемировой. Среди нас было немало образованных людей, мы читали зарубежную литературу и сознавали, что состояние духовной пустоты без всяких опор охватывало тогда всю планету, и разница состояла лишь в формах, которые оно принимало в разных цивилизациях.

— Расскажите, пожалуйста, о главных направлениях ваших тогдашних интересов.

— Центром была и по сей день остается литература. Я в какой-то мере старался продолжить традиции Гоголя, Достоевского, Кафки. Прежде чем переходить к моим философским интересам и поискам, должен сразу объяснить, что не следует никогда смешивать философию и религию. Религия не может быть предметом исследования, ибо она связана с Откровением. Философия же являет собой автономную область человеческого разума, основанную на его возможности познавать целое. Кстати, доказательством границы между религией и философией может служить тот факт, что философы, принадлежавшие к одной конфессии, могли иметь, как Кант и Шеллинг, совершенно противоположные взгляды. Моя философия выражена в работе «Судьба бытия».

Случилось так, что в годы американской эмиграции я стал ученым-индологом. В конце концов мое внимание сосредоточилось на таком знаменитом течении, как веданта. Однако моя собственная философия не просто исходит из некоторых положений веданты, но и выходит за ее пределы. Тем самым образуется особая интуитивная философская система, смысл которой заключается в наличии в нашем собственном «Я» таких пластов, которые бессмертны и не подлежат разрушению, то есть в нахождении того образа и подобия Божьего, заложенного в каждом человеке.

— Как представляется, метафизические проблемы глубже и многограннее раскрываются в ваших художественных сочинениях.

— Мне не раз приходилось об

Писатель, философ, публицист Юрий Мамлеев родился в Москве в 1931 году. Закончил лесотехнический институт. Его творческая судьба достаточно характерна для литератора-неконформиста. В шестидесятые годы тексты его рассказов широко распространялись в «самиздате», в 1971 году писатель получил разрешение выехать за границу. На следующий год в австрийском журнале международного ПЕН-клуба появилась его первая публикация — рассказ «Жених». За годы эмиграции Мамлеев опубликовал массу рассказов в различных периодических изданиях и несколько книг, вышедших на немецком, французском, английском, русском и других языках. Среди них: «Шатуны», «Жизнь эротмана», «Последняя комедия». В 1990 году состоялся выход его первой книги на родине — «Утопи мою голову». Затем последовали «Голос из ничто», «Вечный дом», «Черное зеркало». В эти же годы Мамлеев опубликовал значительное количество философских работ в научной печати.

26 мая, во время конгресса международного ПЕН-клуба, который впервые состоится в Москве, Юрию Мамлееву будет вручена Премия им. Пушкина Фонда им. Альфреда Топфера за 1999 год.

ДМИТРИЙ ХРИПОВ

этом слышать. Думаю, что это вполне оправданное ощущение, поскольку образ неизмеримо многозначнее, чем понятие. Он всегда многомерен. Однако в этом заключены свои особенности и трудности — художественные образы не зависят от личной воли автора, ибо здесь включается его творческое «Я», которое часто не совпадает с его «Я» человеческого. Их взаимодействие может принимать самые различные формы. Я для себя уже давно избрал такую: мое собственное творческое «Я» всегда выступает лишь свидетелем происходящего в произведении.

— То есть является как бы «сторонним»?

— Совершенно верно. Вообще, писатель может занимать разные позиции, быть, к примеру, морализатором, романтиком, а может быть абсолютным духовным свидетелем, когда его сознание воспринимает мир, все происходящее во Вселенной, как наблюдатель, исследователь.

— Словом, разглядывает своих персонажей «в микроскоп»?

— Или в телескоп, по-разному.

— Многие ваши вещи написаны от первого лица.

— Да, но от первого лица героя. Это чисто литературный прием, на мою общую позицию никак не влияющий. Потому я их так же наблюдаю и исследую, как и тех, о ком речь идет в третьем лице.

— Ваша позиция не означает, что вы на добро и зло смотрите равнодушно?

— Как человек я, разумеется, неравнодушен, но как писатель отстранен. Проблема соотношения добра и зла в реальности и в художественном мире настолько сложная и тонкая, что понимание ее сути дается не каждому. Вот почему я считаю, что, для того чтобы читать мои книги, необходимо обладать или большой интуицией, или определенной философской подготовленностью. Бывает, что некоторым людям я не советую братья за них.

— Можно ли говорить о том, что одна из основных внутренних тем вашего творчества — тема «земного ада»?

— Поскольку предмет моего исследования — человек, склонный и к добру, и к злу, то метафорически можно говорить о том, что я изображаю «падший мир» или «ад на земле». Я знаю, что, как ни странно, некоторые мои рассказы нравятся старовекам. Им кажется, что я весьма точно представил образ мира, каким он должен быть в «конце света».

— Этакое «наглядное пособие»?

— Нечто вроде того. Во всяком случае любопытно, что возможен и столь прагматический взгляд на мною написанное.

— Как художник, вы изображаете ужасы современной жизни и картины крайней степени падения человека, как философ, говорите о бессмертии человеческой души и присутствию в ней вечного божеского начала, как публицист, утверждаете православные российские ценности. Как все это сочетается?

— Здесь нет ничего странного, просто это как бы три связанных воедино аспекта моих представлений о мире и человеке. Писателя ведет его художественное видение, и мое творческое «Я» иное, чем «Я», выступающее в философии, и чем «Я» чисто человеческое, проявляющееся в публицистике, где я впрямую высказываю свое отношение к разрушению традиционных ценностей, ведущему, на мой взгляд, к полной деградации общества. В связи с проблемой образа «падшего мира» в моих сочинениях мне бы хотелось сказать об одной вещи, для меня весьма и весьма важной, которую отмечали многие исследователи, кстати, часто западные. Дело в том, что очень многие мои герои выражают отнюдь не философию и психологию «конца света». Это, скорее, метафизические бродяжки, стремящиеся выйти за пределы того, что дано человеческому разуму, разгадать тайны, на которые Бог предпочитает не отвечать человеку и, видимо, правильно делает. Но самое главное, что эти люди отнюдь не какие-то монстры, они как бы обретают оболочку монстров, когда прорываются в область запредельных сфер, о которых обычно боятся говорить, хотя и пытаются. А вторжение туда означает для человека опасность сумасшествия или какой-то иной трансформации. На это решаются люди, принадлежащие к крайнему типу метафизических экстремистов.

— Кто толкает туда ваших героев? Вы?

— Внутренний импульс.

— Он что, может возникнуть в каждом? Ведь среди ваших героев далеко не одни изощренные интеллектуалы, а люди самого разного пошиба.

— Видимо, это следствие одной особенности, заложенной в характере русского человека, которая была отмечена Достоевским и концепцию которой развивал Бердяев, — стремление во всем дойти до крайности, до предела как в сфере

духовной, так и в сфере социальной. Яркий пример тому — герои Платонова, одного из самых любимых моих писателей.

— Давно замечено, что несмотря на то, что многие ваши вещи мучительно, подчас страшно читать, но тем не менее тяжким камнем они в душе не оседают, ибо так или иначе ощущается в них какой-то неуловимый свет, который, если воспользоваться словами Толстого, «и во тьме светит».

— Да, действительно у меня часто в самых мрачных вещах присутствует Бог, но особым образом — апофатически. Этим термином обозначается такое явление, когда присутствие высших сил неопределимо, оно ускользает от человеческого разума, но вместе с тем как бы разлито вокруг. В моем творчестве это воздействие преображенного света связано с основной, видимо, целью искусства — состоянием катарсиса, т.е. очищения. Возьмите Шекспира — сплошная кровь, возьмите Достоевского, но какое по прочтении чувство потрясения и очищения души! Для меня это главный принцип подлинного искусства. Мне как-то рассказали случай, связанный с одним из моих самых беспросветных, безысходных романов, когда все казалось потерянными.

— «Шатуны»?

— Да. Так вот, двое наших петербургских музыкантов оказались в Берлине, и так жизнь их закрутилась и полумалась, что они решили покончить с собой. В это время им попал в руки мой роман, который они непонятно почему стали попеременно друг другу читать. Казалось бы, столь мрачное сочинение вполне соответствовало их умонастроению, но реакция была совершенно неожиданной — им захотелось продолжать жить, и они свой план не осуществили. Мне рассказ об этом случае очень дорог. Дело в том, что ввести в произведение человеческое движение к надежде, не разрушив саму тончайшую ткань искусства, не выказав никакого давления на читателя, невероятно сложно. Искусство не допускает никакого диктата, даже с самыми благими намерениями. А сегодня, после стольких лет советского литературного деспотизма, автор своими страстями и привязанностями, высказанными в лоб, неизбежно добьется только отторжения со стороны читателя.

— Существует мнение, что в ваших, особенно ранних, рассказах многовато эротики, разной «нечистой силы».

— Обо мне есть немало нелепых представлений, это одно из них. Вся суть в том, в каком ракурсе подобные моменты рассматривать. Уж коли я изображаю «падший мир», то в нем не может не быть каких-то дьявольских сил, но они даны у меня в духе фольклорной традиции, гоголевской, наконец. Я широко использую гротеск, который позволяет обнаруживать всякую нечисть и пороки в гиперболизированном, резко шаржированном виде. В таком же гротесковом варианте дана и эротика, причем именно как эротика «падшего мира». В этом смысле мне чрезвычайно близок поворот этой темы у Босха. Эротика в моих рассказах вызывает, скорее, отвращение, и поэтому точнее назвать ее «анти-эротикой».

— Ваш последний сборник «Черное зеркало» выстроен не совсем обычно — хронологически в обратном порядке. В чем кроется замысел?

— Мне показалось важным сразу ввести самый последний цикл рассказов, затем в центре дать некоторые старые, «классические», известные рассказы, а закончить циклом «эмигрантским», наиболее мрачным и темным. Хотелось начать с рассказов, в которых в гораздо большей степени, чем раньше, ощущается «свет в конце тоннеля».

— Подобное ваше нынешнее настроение чем-то обусловлено?

— Я думаю, что это естественный процесс — движение от «ада» к «раю». Наиболее ярко он выражен у Данте. Хотя сегодня, как мы видим, писатели чаще всего застревают на «аде», что пока закономерно. Искусство все-таки является зеркалом мира, а в наше время его состояние дает не так много оснований для оптимизма. Чудовищное вторжение человека в природу, нарушение экологии, истощение земных ресурсов, перенаселение — все это носит злой характер и рождает у людей чувство страха перед возможной мезью природы за содеянное с нею, перед непредсказуемостью дальнейшего течения событий. Так что вырваться из «ада» действительно нелегко, но можно.